

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Статья С. В. Шервинского

Среди литераторов дореволюционной формации Брюсов принял революцию одним из первых.

Большинство русских интеллигентов, в общих и неопределенных чертах чаявших обновления России, было все же застигнуто врасплох выстрелом «Авроры». Приведенные в недоумение, если не в прямой страх, осуществлением того, о чем мечталось и говорилось отвлеченно, многие предпочли позицию выжидательную. Именно против этого большинства «выжидающих» и испуганных была направлена инвектива Брюсова «Товарищам-интеллигентам», — она не могла возбудить в своих многочисленных адресатах чувство симпатии к ее автору.

Не следует представлять себе процесс перехода Брюсова на сторону Советской власти безболезненным. Когда совершилась Великая Октябрьская революция, Брюсову было сорок четыре года, он был вполне сформировавшимся писателем, авторитет которого признавали не только его друзья, но и противники. Приход в лагерь социалистической революции был для Брюсова не только освоением непривычных форм деятельности, но и ломкой прежнего мировосприятия. Сказывалась и вся трудность общественного положения: от Брюсова тогда отвернулись многие ранее близкие ему люди; некоторое время Брюсов был сумрачен, ушел в себя. Мыслитель, влюбленный в культуру, верно служивший и не изменявший искусству слова, испытал на какой-то срок смущение перед возможностью крушения культурных завоеваний человечества. Вскоре, однако, жизнь развеяла мрачные опасения. Брюсов, человек кипучей деятельности, не мог отойти в сторону, когда обновленная страна испытывала себя в первом напряжении сил. Он сам предложил Советскому правительству свое сотрудничество и был привлечен Луначарским к активной работе. Трудясь рука об руку с первым наркомом просвещения, Брюсов почувствовал себя на месте в кипении заново творимой жизни; он занимал ряд ответственных постов в различных учреждениях, руководивших делами литературы и просвещения. Последние шесть-семь лет жизни Брюсова с полной отдачей были посвящены становлению молодой социалистической культуры.

Уже став советским деятелем, Брюсов сам указывал на то, что у него имелись и биографические предпосылки для вступления в ряды строителей нового общества. Дед поэта по отцу был крепостным крестьянином-костромичом, откупившимся у владельца и открывшим в Москве торговлю пробками. Но семья Брюсовых далеко выходила за рамки своей купеческой среды. Другой дед поэта, по матери, А. Я. Бакулин, сам писал стихи. Не чужд был литературе и отец поэта, Яков Кузьмич. В доме Брюсовых много читали, воспитывались на идеях 60-х годов, любили стихи Некрасова, которые маленький Валерий знал наизусть. О религии «и помину не было», как замечает сам Брюсов.

Впечатления детства отразились у Брюсова в стихотворении «Мир», начинающемся строками:

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...

(1903)

Тот же мир изображен и в повести Брюсова «Обручение Даши» (впоследствии Брюсов проектировал и более обширное произведение из истории разных поколений купеческой семьи, но замысла своего не довел до конца).

Став поэтом, Брюсов смотрел на «мир» своего детства если не свысока, то во всяком случае из «мира» совсем иного. Однако именно этот мир ранних впечатлений с его уважением к науке, к «принципам материализма и атеизма», по признанию самого Брюсова, подспудно лежал в основе его мироощущения. Брюсов поделился этой мыслью на праздновании своего пятидесятилетия в Академии художественных наук. Тогда многих изумила реконструкция идеологического моста между «мэтром» символизма и поколением шестидесятников.

Приняв революцию, Брюсов показал пример безупречного и неумолимого служения Советскому государству в доступных ему сферах деятельности. В 1920 г. он вступил в ряды Коммунистической партии. Работа Брюсова после Великой Октябрьской революции продолжалась немногим более пятилетия, но оставила немеркнущий след в становлении советской культуры.

Брюсов вошел в русское общественное сознание прежде всего как поэт. Деятельность его была исключительно многогранна, но он сам признавал себя в первую очередь поэтом. До Октября на творческом пути Брюсова не было решающих поворотов и, несмотря на все переходы «от судьбы к иной судьбе», поэзия оставалась неизменно главным делом его жизни. В 1911 г., уже подводя итоги того периода, когда он сложился как поэт и достиг признания, Брюсов обращался к музе:

Я изменял и многому, и многим,
Я покидал в час битвы знамена,—
Но день за днем твоим велениям строгим
Душа была верна...

(«Поэт — Муза»)

Его последние слова, сказанные уже в предсмертной агонии, были: «мои стихи...»

Основные черты индивидуальности Брюсова, впоследствии характеризовавшие и его творчество, проявились с малых лет. Они не вступали в борьбу между собою, не мешали развитию заложенного природой, — наоборот, помогали друг другу в формировании исключительной по дарованиям личности.

С самых юных лет Брюсов отличался пытливостью ума. Мощность любознательности была у него безграничной. Книжки стали неразлучными друзьями мальчика и остались ими на всю жизнь. Чтение на первых порах было случайным. Он хотел знать и понять все. Вскоре он научился завоевывать знания область за областью с тем духом конквистадорства, который вообще присущ был его характеру.

Для подвига овладения знаниями требовалось трудолюбие. Оно не подчинялось внешней необходимости, не испытывало чьего-либо давления, — труд был необходим Брюсову во все возрасты как удовлетворение внутренней потребности. Брюсов посвятил теме труда несколько лучших своих стихотворений. Брюсов относился и к поэзии как к особому трудовому процессу, бросая этим вызов традиционному пониманию поэтического творчества.

Воинствующая любознательность Брюсова сочеталась, тоже с детских лет, с легко возбудимым воображением. Оно уводило в фантастические миры, создавая некую параллель реальному существованию. Мы можем проследить по всему последующему творчеству Брюсова постоянное употребление слова «мечта». Брюсов применял его к различным состояниям сознания, но все они были в прямой или косвенной связи со сферой воображаемого. Порою горячность воображения превращалась в «горячность», — этот огонь тревожной мечтательности запечатлен Врубелем на знаменитом портрете молодого поэта.

Сам Брюсов тогда смутил читателей смелыми строками:

Вперед, мечта, мой верный вол,
Неволей, если не охотой...

Некоторые увидели в этих строках неосторожное признание в том, что поэт создает свои стихи якобы под каким-то насилием, были оскорблены, что «мечта» сравнивается с таким грубым существом, как «вол», готовы были вывести отсюда непродуманные обобщения. В подобной поверхностной критике была, однако, и толика правды: характер

Брюсова был по преимуществу волевой. Уверенность в себе, властность, трудовое постоянство — всё подчинялось воле, она сама подчинялась «мечте». Воля, руководимая «мечтой», укрепляла поэта в его борьбе с рутинной и графаредами творчества. В строке «Я сам тружусь, и ты работай» поэт призывает «мечту» оставаться главным двигателем его труда.

Ничто так не способствовало развитию воображения, как постоянное поглощение книг, имевшее в этом смысле и отрицательное влияние: оно опьяняло юношеский ум, заманивало в области соблазнительные, но небезопасные. Постоянное пребывание в обаянии воображаемого вызывало в ранних стихах Брюсова искусственность и надуманность.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы,—
Что́ перед ним этот прах:
Стени, и скалы и воды!..

(«Четкие линии гор...»,
1896)

Читатель испытывал недоверие к подобным высказываниям еще незрелого «декадентского» автора.

Теперь, глядя на творчество раннего Брюсова через расстояние в три четверти века, мы легче примечаем в нем и естественное отталкивание от серости, житейской и творческой, и вызывающее стремление быть «новым», особенным, нарочито чужеродным, «оригинальным» прежде всего и во что бы то ни стало. Наряду с этим Брюсов отдавал дань и формальному поэтическому экспериментаторству. Иногда трудно уловить в том или ином стихотворении раннего Брюсова, где подлинное самовыражение поэта, а где лишь одна из многих «масок», которые любил и умел надевать Брюсов. Однако туманности и безответственности фантазий противостоял у Брюсова трезвый логический ум, предъявлявший с годами всё больше и больше прав. Выковывалось удивительное сочетание воображения и рассудка, которое и сейчас встает перед нами загадкой брюсовской поэзии, одних привлекая, других отталкивая.

И еще одна сила стояла у руля молодой стремительной жизни: то, что сам Брюсов обозначал словом «страсть», но к чему более приложимо слово «страстность» в разных аспектах этого емкого понятия.

Из бурного накопления знаний у юноши мог получиться хаотический беспорядок в неокрепшем сознании. Но этого не произошло. Брюсову с детства присуща была дисциплинированность. Кроме того, на помощь автодидактике вовремя пришли и внешние воздействия разумного школьного преподавания. Лев Иванович Поливанов, в гимназии которого Брюсов учился в последних классах, приметил начитанного, дерзкого в мыслях, но всегда прилежного ученика. Он осветил для Брюсова область, ставшую впоследствии дорогой поэту: он ввел юношу в понимание Пушкина.

По окончании гимназии Брюсов, со всем богатством уже приобретенных знаний, стоял перед выбором дальнейшей дороги. Первая дисциплина, которая могла бы претендовать на объединение его умственной пестроты, была философия. В юности он увлекался Спинозой, Кантом, Шопенгауэром, потом Лейбницем, о котором написал в университете специальную работу.

С Лейбницем Брюсова сблизил, в частности, математика. Ею он занимался столь углубленно, что имел даже намерение целиком посвятить ей свою жизнь,— намерение, впрочем, не слишком твердое, поскольку он изменил ему из-за случайной неудачи на экзамене. Он поступил на историко-филологический факультет. Филология и в особенности история всегда привлекали юношу и тесней были связаны с его только еще начинавшейся литературной деятельностью. Математические знания скоро отошли на второй план, но до конца жизни поэта решение математических задач оставалось излюбленным развлечением его досуга.

Около 1890 г. Брюсов в ходе своего разнородного чтения познакомился с французской поэзией второй половины XIX в. Его поразили стихи Бодлера, Верлена, Малларме, так не похожие на вялую и беспомощную поэтическую продукцию отечествен-

ных эпигонов. «Это было для меня,— вспоминал он впоследствии,— целым откровением: не будучи знаком с западноевропейской литературой последнего полустолетия, я только из их стихов понял, как далеко ушла поэзия от творчества романтиков <...> Влияние Пушкина и влияние «старших» символистов причудливо сочетались во мне <...> В моих стихах того времени <...> эти влияния перекрещиваются самым неожиданным образом» (*Автобиография*, стр. 107).

С отроческих лет выявился и характер Брюсова. Он откровенно заявлял, что стремится «быть первым», более того — «стать великим». Неудивительно, что именно он, в сознании своих сил и превосходства над сверстниками, вскоре встал во главе нарождавшегося нового литературного движения. Сначала группа юношей, объединившихся ради обновления русской поэзии, была весьма немногочисленна. Выпущенный молодыми новаторами маленький сборник «Русские символисты» увидел свет в 1894 г. В его первом выпуске было только два автора: Брюсов и Миропольский. Сам Брюсов писал об этом, вспоминая свою юность: «Я с наивностью думал, что можно быть «символистом», продолжая дело предшествующих русских поэтов. Критики объяснили мне, что этого нельзя. Они насильно навязали мне роль вождя новой школы, maître de l'école, школы русских символистов, которой на самом деле и не существовало тогда вовсе, так как те пять-шесть юношей, которые вместе со мной участвовали в «Русских символистах» (за исключением одного А. Л. Миропольского), относились к своему делу и к своим стихам очень несерьезно <...> Таким образом я оказался вождем без войска» (*Автобиография*, стр. 109). Судя по этой записи, критика способствовала тому, что юный Брюсов надел «маску» символиста. Эта маска прочно приладилась к его лицу, пока из-под нее не стали выступать черты реалиста и классика.

Почти одновременно с объединением немногочисленных поборников «новой поэзии» (термин Брюсова) в Москве аналогичная группа создавалась и в Петербурге. Стихи в «Русских символистах» были слабые, ученические, но зерно было посеяно. Молодые «символисты», вызывавшие сначала насмешку, возбудили любопытство, а вскоре завоевали одобрение и даже восторги любителей поэзии. Немало способствовали популярности «символистов», помимо воли автора, пародии Владимира Соловьева. Ряды «символистов» окрепли, в начале XX в. в их числе были уже Бальмонт, Вячеслав Иванов, Блок, Андрей Белый. Благодаря поддержке мецената С. А. Полякова, учрежден был журнал «Весы», ставший печатным голосом молодого, но уже не юного литературного направления. Издательство «Скорпион» открыло «новой поэзии» доступ к читающей публике. Во главе символистов, героем их завоеваний был Валерий Брюсов.

В 1907 г. Брюсов пишет стихотворение «Поэту». Из него видно, что вождь символистов, он же редактор «Весов», еще находится в орбите символистских условностей, он еще провозглашает необходимость бесстрастия, отрешенности поэта при художественной объективизации впечатлений бытия, вплоть до собственных страданий и гибели:

Всего будь холодный свидетель...

И дальше:

Быть может, всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневолю,
И в час беспощадных распятий
Прославь иступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок!

Мы вправе были бы спросить: неужели поэт в самом деле ко всему безразличен в своем духовном сепаратизме, служит всем богам, не веря ни в одного? Но если мы внимательно проанализируем весь поэтический путь Брюсова до Октября, то сможем, отбрасывая по-декадентски нарочитые, во многом относящиеся на долю позирования, противоречивые высказывания поэта, все же увидеть сквозь энциклопедическую массу образов и мыслей, что в пантеоне (или в пандемониуме) Брюсова есть одно божество, которому он поклоняется, которому он верит и служит: это божество — человек. Личная эгоцентричность перерастает, претворяется в утверждение коллективной мощи человечества.

Еще в 1906 г. Брюсов создает одно из самых знаменитых своих произведений — оду «Хвала человеку». Ее конкретная образность, ее мужественный героический лафос, предельная ясность ничего не имеют общего с теми канонами, которые были провозглашены зачинателями «новой поэзии». Музыка уже не претендует быть по-верленовски «на первом месте». Поэтика данного стихотворения корнями уходит в плодородную неиссякаемую почву классики. Героизируемый «человек» оды — прежде всего борец и труженик. Но он борется не с Богом, не с Дьяволом — религиозно-мистические концепции были чужды Брюсову; борется и не с самим собой, даже не с социальным нестройством мира; его подвиг направлен на единственную цель — победить природу. Его титанические усилия на службе у того, что мы называем «цивилизацией». Человек-труженик Брюсова имеет в виду, хотя и не очень осознанно, нечто служащее на пользу самих тружеников и их потомков. И еще: труд сулит человеку славу. Примечательно, насколько в чертах обобщенного человека-труженика отразились черты самого поэта, героизировавшего труд.

Найдя среди энциклопедической чащи брюсовского творчества кумир с живым пламенем — алтарь человека, — мы тем самым отвергаем мнение о безразличии поэта.

Обобщенный человек, сливаясь с понятием «человечества», героизируется в динамике и перспективе его бытия, т. е. исторически. Так открывается перед нами одна из магистральных дорог брюсовского творчества — историзм. Мысль Брюсова охватывает путь человечества от его неясственных начал до неведомого конца, т. е. до его фантастической гибели, которую поэт воображает не без свойственного и ему «неизъяснимого наслаждения». Историческая тематика или окрашенность историчностью большинства произведений Брюсова, как поэтических, так и прозаических, — не только переработка познаний, почерпнутых из книг; у Брюсова был дар проникновения в иные эпохи, преимущественно отдаленные. Однако, в отличие от ряда современников и писателей ближайшего поколения, Брюсов никогда не предавался поверхностному любованию прошлым; он в своем творчестве прошел мимо, например, XVIII века, столь обильно представленного в тогдашних произведениях литературы и живописи. При этом историзм Брюсова был образным, как и полагается поэту, что особенно бросается в глаза, если сравнить стиль его насыщенных историзмом художественных произведений с его же чисто историческими трудами.

Еще в молодые годы Брюсов создал один из шедевров своей прозы, повесть «Огненный ангел». Для ее написания он изучил ряд определявшихся средневековым мирозерцанием дисциплин, таких как демонология, магия или алхимия. Фундаментом же ему служили глубокие исторические знания, полученные еще в студенческие годы. Сами немцы, ознакомившись с «Огненным ангелом», дивились тому, как русский автор мог так верно и глубоко передать атмосферу и нравы Германии XVI столетия.

Но более всего насыщают и поэзию и прозу Брюсова образы столь хорошо ему знакомого античного мира, в частности позднего Рима. Имена античных богов, героев, исторических деятелей, античная топонимика неизменно наполняют стихи Брюсова, особенно в пору его высшего поэтического подъема. Александр Великий и Архимед, Сулла и Антоний — все проходят чередой перед взором поэта. И не они одни — рядом с ними встают «властительные тени» Библии и Древнего Востока. Подобная насыщенность образами мифологии и истории в настоящее время кажется тягостной иным читателям и даже поэтам, которым непривычно иметь дело с образами культуры прошлого. С другой стороны, это же обилие образов исторических и мифологических сближает Брюсова с нашей классической традицией и, в частности, с Пушкиным.

Среди ранних поэтических произведений Брюсова выделяется поэма «Царю Северного полюса», героизирующая бескорыстный подвиг человека, устремленного к своей звезде. В поэме — ритм океанских северных волн, голоса стихий, образы древних скандинавов и величие их героических саг. В этой поэме Брюсов впервые выступает как автор большого произведения из исторической эпохи, казалось бы, ему чуждой, и одерживает замечательную победу.

Поэзия Брюсова, окрашенная историчностью, должна была, по замыслу поэта, увенчаться циклом, которому он дал название «Сны человечества». Первые стихотворения запроецированного цикла относятся к 1907 г., когда историческая тематика вообще занимала столь выдающееся место в творчестве Брюсова. Цикл должен был отразить в образцах — самостоятельных, не переводных — поэзию всех веков и стран, начиная с легендарной Атлантиды и кончая современностью. Три тысячи стилизаций — таков был намеченный охват невероятного предприятия. Не говоря уже о количестве, самый принцип создания и отбора стихов представлял трудности, едва ли преодолимые. Кроме того, замысел требовал совершенной безупречности выполнения, которая, судя по образцам, опубликованным при жизни и после смерти автора, не всегда достигалась поэтом. «Сны человечества» могут вызвать, и не без основания, восхищение виртуозностью и познавательным богатством, но сам горделивый замысел может считаться неосуществимым. Брюсов до конца жизни возвращался к «Снам человечества», но окончить цикла так и не успел, — да и вряд ли интенсивная деятельность в разных областях могла оставить автору возможность создать такое количество стилизаторских «этюдов».

Что касается прозы, то основные прозаические сочинения Брюсова целиком историчны. Кроме повести «Огненный ангел», упомянутой выше, Брюсову принадлежит обширный исторический роман «Алтарь победы» и продолжение его — «Юпитер поверженный». Оба романа посвящены эпохе, во времена Брюсова мало знакомой русскому читателю: эпохе перехода от язычества к христианству. До Брюсова в русской литературе этому переходному времени посвящены лишь новеллы Лескова и первая часть трилогии Мережковского — «Юлиан Отступник». Оба романа Брюсова вводят нас в мир позднего, так называемого «упадочного» Рима. К их неоспоримым достоинствам принадлежит положенная в основу историческая осведомленность и добросовестность автора. Романы эти могут служить дополнением к академическому изучению эпохи, так они точны в исторической концепции и в изображении тогдашней жизни, от характеров действующих лиц до бытовых деталей.

Другая дорога в творчестве Брюсова ведет в будущее, в еще не достигнутые дали бытия человечества. Личное свое честолюбие Брюсов переносил и на своего обобщенного человека, он возвеличивал, переключаясь с Горьким, самое звание «человек». Правда, в героическую эпопею всеобщего земного труда, как некий предостерегающий знак, проникает мысль о конечной гибели всего, этим трудом достигнутого. Эсхатологические размышления Брюсова вносят в его восторженное приятие земного трагическую ноту. Но он не хотел, чтобы человечество погибло, превратившись в ничто, не оставив следа на Земле или в других мирах.

Среди фантастических произведений Брюсова видное место занимают драматические сцены в прозе «Земля». Поэт переносит нас в момент конца жизни на планете. Земной шар преобразился. «Город будущих времен» давно уже покрыт крышей, отделяющей его от солнца, — искусственным небом, под которым люди дышат искусственным воздухом. Наступает последний кризис: людям уже неоткуда взять воды. Немногие оставшиеся в живых предпринимают безнадежную попытку вернуться к природным условиям существования, но отсутствие атмосферы и ослепительный свет солнца убивают их всех. Неубедительность, даже в пределах фантазии, этой утопии сочетается с великолепным лаконизмом стиля и той смелостью, с какой подана ее невероятность. Так Брюсов, воскресив идеи, пришедшие к нему в юности, создал произведение, повеюле опровергающее хвалебный гимн всепобеждающему человеку. Снова мятущаяся мысль поэта обнаруживает всю трагичность своих противоречий, не могущих примириться друг с другом на платформе какой-либо единой плодотворной системы.

Таким образом, воображение выполняло у зрелого Брюсова двойную функцию: с одной стороны, оно помогало Брюсову, опираясь на знания, восстанавливать с реалистической точностью облики минувших эпох, с другой — вольно мчалось в дали, предоставленное самому себе, находя не всегда надежную опору в научных гипотезах данного момента. Та же драма «Земля» не могла быть убедительна для «дневного» сознания даже самого автора.

В стремлении преодолеть ужас перед «шозорным» концом людей Брюсов искал опоры в успехах науки и техники. Его не покидала мечта о возможности общения Земли с иными планетами. Брюсов не дожил до прилета человека на Луну, но мысли о космических полетах уже занимали в его время умы некоторых избранников. При жизни Брюсова над космическими полетами думал, сидя у себя в провинциальной тогда Калуге, один из величайших ученых века, К. Э. Циолковский. Брюсов никогда не встречался с Циолковским, о чем искренне жалел, но знаком был с его работами и много о нем узнал от А. Л. Чижевского, другого крупного авторитета в науке о космосе. Это была лучшая питательная среда для научных и утопических размышлений поэта. И неудивительно, что в это время он работает над повестью о полете в космос, о первой междупланетной экспедиции.

На стыке прошлого и будущего встает у Брюсова тема современного города, открывая простор увлекательным обобщениям. Современные города-гиганты не могли не поражать человеческое сознание. Их рост внушал опасение, более того — город-спрут, задымленный, сотрясаемый грохотом, губительный для человека, который его создал, рассадник разврата и болезней, ужасал. Однако город, центр производства и торгова, культуры и развлечений, имел также огромную притягательную силу для пораженных и изнуряемых им существ.

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит...

Так писал Брюсов в 1907 г. («Городу. Дифирамб»). Тогда урбанизм нашел самое яркое выражение в творчестве Эмиля Верхарна. В России до Брюсова урбанизма как поэтического направления не существовало. С Верхарном Брюсова связывали и поэзия, и личная дружба. Возможно усматривать в урбанистических стихах Брюсова отклики именно Верхарна, но урбанизм, представлявший лицо современности, мог возникать независимо в разных странах. Брюсов, обратившись к теме «Города», еще раз заявил себя приверженцем новизны и европеизма. Заметим, что в урбанизме Брюсова книжность, очевидно, преобладала над непосредственными впечатлениями: Москву, где Брюсов прожил всю жизнь, справедливо называли тогда «большой деревней», город-спрут возникал больше в его поэтическом, устремленном в будущее воображении.

И еще одна дорога выявляется как магистральная в лесу брюсовского творчества: тема, в пределах которой Брюсов не страшился откровенности. Эта тема — любовь и женщина. Новизна в обращении к этой вековой теме сказывалась уже в прямолинейности, не принятой в тогдашней русской поэзии. В стихах Брюсова почти нет того чувства, которое принято называть «возвышенной» любовью, привычной в классической русской литературе. Тема любви явлена Брюсовым с конкретностью личного опыта, со смелостью саморазоблачения и во всем богатстве положительных и отрицательных, с точки зрения общепринятой тогда морали, подробностей и обобщений.

Любовную лирику Брюсова точнее назвать «эротической». В этом плане она восполняет заметный пробел в русской поэзии, поскольку эротическая лирика имеет право на существование в каждой развитой поэтической традиции, — античные поэты по-

БРЮСОВ

Фотография С. В. Шицмана. Москва, 1902

На обороте дарственная надпись: «Петру Петровичу Перцову в знак сердечной дружбы и уважения. Валерий Брюсов. 1902.

Так. Путник я, идущий к свету.

Я вестник, ставший на пороге.

Tertia Vigilia»

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

дают Брюсову руку через все разъединяющие их века. Знаменитое и действительно примечательное стихотворение «Помпейнка» прославляет «страсть, перешедшую за предел». Там, за пределом страсти, — бездна, провал в небытие. В «Помпейнке» сквозит то же сладострастие гибели, что и в эсхатологических раздумьях поэта. Значительное место в эротической тематике Брюсова занимает любовь продажная, столь распространенная в укладе капиталистических городов и нашедшая широкое отражение в модернистской поэзии Запада, особенно французской, оказавшей на Брюсова немалое влияние.

Но даже за буднями случайных встреч при тусклом фонаре покушной страсти в поэзии Брюсова встает в праздничном великолепии обобщенный образ женщины. Женщина воспета поэтом во всем могуществе ее сексуальной власти и материнского подвига. Мы не имеем возможности привлекать к пояснению творческих путей Брюсова факты его интимной жизни, как бы они ни приоткрывались в его произведениях. Но известно, что личные встречи с женщинами, даже случайные, сопровождалась у Брюсова порывом чистой страсти и своеобразным уважением — для Брюсова женщина всегда была Женщина с большой буквы. Об этом свидетельствуют и строки, написанные им в 1905 г., где Афродита, целомудренная богиня любви, даже в публичном доме говорит о чистоте страсти:

Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть...

Этот всеочищающий «трепет страсти», даруя наслаждение, приносит и боль, порою душевную муку, похожую на раскаяние, — так эротическая тема в поэзии Брюсова принимает нередко трагический аспект.

После всего изложенного может показаться, что дореволюционный Брюсов, постоянно погружавшийся в прошлое и столь же неуклонно грезивший о будущем, служивший любви вне времени и пространства, был оторван от современности. Это неверно ни в житейском, ни в литературном плане. Биографические данные говорят о том, что Брюсов еще задолго до Октября был общественным деятелем. Работая в Московском литературно-художественном кружке или в Обществе свободной эстетики, он по мере сил стремился содействовать поднятию эстетической культуры русского общества. Тогда же обозначилось стремление Брюсова к педагогике и пропаганде научных знаний. Наконец, прямой гражданский долг побудил его в 1914 г. стать военным корреспондентом газеты «Русские ведомости» и отправиться на театр военных действий.

Гражданская поэзия Брюсова развернулась во всей полноте после Великой Октябрьской революции, но и до нее по всему поэтическому творчеству Брюсова рассеяны стихи, откликающиеся то на драму русско-японской войны, то на события войны 1914 г., то на подъем революционного движения. В сборнике «Stephanos» одно из главных мест занимает раздел «Современность». В нем большая часть стихотворений создана под впечатлением «великих дней» революции 1905 г., о которых поэт писал: «Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная болтовня, настолько мне по душе революционное действие» (*Чулков*, стр. 335—336). К наиболее известным стихам Брюсова, где его голос звучит гражданским и патриотическим воодушевлением, принадлежат знаменитые стихотворения «Каменщик» и «Кинжал», громко и своевременно прозвучавшие и до сих пор привлекающие непреходящей силой выражения.

Мы пытались наметить лишь главные пути творчества Брюсова, памятуя, что в этом густом лесу, который правильнее было бы назвать ботаническим садом, идут, причем в противоположные стороны, не только магистральные дороги, но и второстепенные тропы. Пожалуй, нет области бытия, куда не забрел бы неуспокоенный путник, причем неизвестно, чего, собственно, ищет он в дебрях своих противоречий.

По одной из таких второстепенных троп Брюсов выходил иногда на простор русских полей, но лишь затем, чтобы снова вернуться в глубь своего возвращенного воображением леса. Тема России в дореволюционной поэзии Брюсова достойна специальной разработки. Брюсов был несомненным патриотом, он любил Россию, и прежде всего как государство, как носительницу власти; он терпел горькое разочарование от ее упадка в пору агонии паризма, он чувствовал себя сыном своей переживавшей трудные времена родины, но лермонтовские «дрожащие огни печальных деревень», «эта скудная природа», от которой щемило сердце Тютчеву, блоковские «избы серые» и «песни ветровые» мало что говорили Брюсову.

Может быть, он просто недостаточно знал Россию негородскую. Он воспринимал природу как горожанин, выезжавший летом на дачу, смотрел на русские раздолья через ее забор. В этой связи небезынтересно вспомнить одно место из письма к Брюсову Бальмонта, защищавшего свой сборник «Жар-птица» от резкой критики друга. Бальмонт пишет: «Ты ведь не умеешь отличить кукушкины слезки от дорожника (<...> Тебе ли говорить о понимании до глубины Русской стихии, этой Великой Деревни? (<...> Ты проклят городом и отравлен им» (*Чтения 1971*, стр. 260—261). Между тем известно из писем самого Брюсова и из воспоминаний свидетелей его юных лет, что он любил свои дачные пребывания и пользовался во всей полноте их удовольствиями. Видно, этого было мало, чтобы стихи Брюсова, где говорится о русской сельской природе, звучали естественно, — о них почти не упоминают исследователи брюсовского творчества. Во всей поэзии Брюсова мы не встретим образа деревенской женщины, столь широко воспетой Некрасовым, появлявшейся иногда и в творчестве символистов. Примечательно, что и темы русской истории сравнительно мало увлекали Брюсова. Из задуманной повести о декабристах им написано было только начало. Такие исключительные личности, как Иван Грозный или Петр I, не нашли в творчестве Брюсова достойного отражения. На русскую народную поэзию Брюсов откликнулся двумя

имитациями — «Сказанием о разбойнике» и песней «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче». Стилизация частушек ограничивается фабричной и бульварной тематикой. Подражания деревенским частушкам решительно Брюсову не удавались.

В 1917 г. Брюсов написал стихотворение «О себе самом». Ощувив и осознав наступающий перелом истории, он, видимо, почувствовал потребность оглянуться на пройденный путь — каждому сборнику своих стихов он дал лаконичную характеристику. Автор начинает счет от «Шедевров», видимо, полагая, что «юношеские произведения» — лишь затакт его творчества. Всех сборников — девять, по числу Муз. Последний к тому времени, подготовленный к печати, — «Девятая Камена», — так и не увидел света среди бушевания политических событий. В беглых авторских характеристиках можно уловить верность оценок. Высший расцвет поэтического дореволюционного творчества Брюсова приходится на первое пятилетие века — в эти годы были созданы сборники «Urbī et orbī» и «Stephanos», где Брюсов обнаружил всю блистательность своего мастерства. Сам Брюсов так говорит о первом из этих сборников:

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно «Urbī et orbī»
Петь гимн в уверенных стихах.

Затем траектория брюсовского творчества идет под уклон. После 1915 г. мускулатура брюсовских стихов стала обнаруживать некоторую ослабленность, наступила полоса если не упадка, то ощутимого спада. Это снижение объясняется отчасти общим истощением организма поэта.

За полтора с лишним десятилетия выработались лучшие качества поэзии Брюсова: рассудочная страстность (или страстная рассудочность) получила прочную форму; стих приобрел чеканную крепость, особую «брюсовскую» поступь; фраза стала неизменно прозрачной и весомой; Брюсов обогатил свою поэзию, а стало быть, и русскую поэзию вообще, обновленной лексикой, не прибегая к тому, что он сам называл «коверканием» языка; он ввел в русскую лирику новые или позабытые ею строфические формы, строгость и разнообразие ритмов, чистоту, а иногда и изысканность рифмы, — всё вместе заложило тот базис стихотворной культуры и мастерства, на котором развивалась в дальнейшем русская поэзия. В этом великая заслуга «мэтра», обеспечивающая ему славу реформатора русской поэзии на рубеже двадцатого столетия.

Рассеивались туманы и нарочитости ранних модернистских увлечений, крепла связь с действительностью, уходила в область забвения раннесимволистская поэтика. Творчество Брюсова опережало его теоретические высказывания, в которых он, правда, без прежней решительности, продолжал если не отстаивать, то оправдывать принципы символизма, от которых сам удалялся. Внешняя связь Брюсова с символизмом как определенной идейной и литературной группировкой порвалась уже в 1909 г., когда Брюсов отошел от журнала «Весы». На это был ряд причин, но главная заключалась в углубившемся расхождении Брюсова с соратниками по журналу, и более всего с Андреем Белым. После этого символизм просуществовал еще несколько лет, но Брюсов лишь номинально продолжал считаться его главой. На самом деле дни символизма как литературно-философского направления были уже сочтены. Яркие индивидуальности, составлявшие его верхушку, окончательно разобщились — каждый пошел своим путем: Мережковский предался православию; Бальмонт, верный себе, остановился на своем «языческом» культе красоты и любви; Вячеслав Иванов углубился в философские раздумья и античность; Андрей Белый после ряда метаний нашел пристань в учении Штейнера. Блок, всегда державшийся в стороне, так и остался вне символистского ядра — он еще давно отметил в своих дневниковых записях, что символизма у нас, собственно, вовсе нет. На литературном горизонте уже появились новые объединения поэтов — акмеизм, отколовшийся от символизма, потом футуризм. Брюсов вторично оказался «вождем без войска», но на сей раз он уже и сам не чувствовал себя главой школы, и символизм стал для него явлением прошлого.

Эволюцию мастерства Брюсова труднее проследить в его прозе. «Огненный ангел», «Алтарь победы» и неоконченный «Юпитер поверженный» написаны от первого лица,

так что их язык не может не быть стилизацией — в первом случае германского хрониста эпохи Реформации, в двух других — классической латинской прозы. Другие прозаические произведения Брюсова писаны сознательно простым языком, в той литературной традиции, которая объединяется именами Цезаря и Пушкина и решительно противостоит себе романтизму.

Существенной областью творчества Брюсова был поэтический перевод как область поэзии, требующая наиболее выработанного мастерства. Переводческая работа искренно увлекала его, он твердо знал, что поэзия переводная составляет законный раздел поэтического творчества, не только дающий возможность другим приобщиться к произведениям, писанным на иных, не всем доступных языках. Брюсов переводил охотно, это занятие давало ему двойное удовлетворение: поэтическую борьбу со словом и раскрытие для него самого новых широт. Через переводы Брюсова русские читатели впервые познакомились с модернистами Франции и с Верхарном, узнали и о подлинных ценностях некоторых классических созданий. Из них «Энеиду» Брюсов стал переводить еще на школьной скамье и пронес свою любовь к ней через всю жизнь. Он мечтал дать русский текст эпоса, сохранив весь ее блеск. Перевод «Энеиды» он все же не окончил, а опубликованные после смерти поэта шесть песен не оправдали надежд их создателя: предъявляемые самому себе требования точно передать все особенности поэтики Вергилия встали перед переводчиком преградой непреодолимой. Перевод всего «Фауста» Брюсов тоже не закончил: многие места остались в первоначальных черновых вариантах, что, впрочем, мало влияет на общее положительное впечатление.

Охват переводческой деятельности Брюсова поддается лишь с трудом мере и числу. Но есть в этой массе поэтических преодолений одна область, которая требует особого нашего внимания, — это переводы из литератур народов, населяющих необъятный Советский Союз. В середине 1910-х годов Горький затеял издание сборников, долженствовавших открыть широкому русскому читателю поэзию и прозу братских народов, и этим положил основу той обширной области переводной литературы, которая, исполняя на практике заветы Ленина, реально сближает между собой народы Советской страны. Вскоре проект был осуществлен, создалось издательство «Нарус», под непосредственным наблюдением Горького. Он привлек к работе Брюсова, понимая, что Брюсов не может не воодушевиться этой плодотворной идеей. При непосредственном участии Брюсова готовились (хотя и не все из них появились) сборники литератур латышской, украинской, еврейской. Едва ли Брюсов, а, может быть, и сам Горький, могли предвидеть, сколь широк будет размах переводческой работы на девственной для русского читателя почве наших богатых национальных литератур, как имеющих многовековой опыт, так и переступивших только что через порог неграмотности.

Незнакомство самого Брюсова и привлеченных к делу сотрудников с языками братских народов поставило переводчиков поэзии перед необходимостью пользоваться подстрочными прозаическими переводами. Переводы Брюсова, сделанные по «подстрочнику», показали возможность достижения этим методом высокого художественного результата.

В 1915 г. началась работа, имевшая трудно оценимое значение и для самого Брюсова, и для армянского народа. Представители прогрессивной армянской общественности предложили Брюсову редактирование сборника армянской поэзии — народной, древней и современной. В результате огромной и воодушевленной работы, проделанной создателями подстрочников и поэтами, привлеченными к изданию, появилась знаменитая антология «Поэзия Армении» (1916), открывшая русским и всем знающим русский язык читателям неведомые сокровища и заслужившая Брюсову звание «народного поэта Армении».

С таким накоплением опыта и трудов вступил Брюсов в Великую Октябрьскую революцию.

Приобщение к деятельному строительству новой России провело четкую демаркационную линию между Брюсовым дореволюционным и Брюсовым советским. Направление поэтического творчества по новым путям не могло произойти без перерождения самой личности поэта. Брюсов преодолел годы тяжелых личных переживаний, и к нему вернулись прежняя продуктивность и юное воодушевление. Это, к счастью, совпало с

АФИША ДИСПУТА
«ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ?»
Москва, 8 ноября 1920 г.
Докладчик — Брюсов, оппонент —
А. В. Луначарский
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
(Аудитория № 1)

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ

Понедельник, 8-го ноября,

ДИСПУТ
ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ?

ДОКЛАДЧИК
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
ОППОНЕНТ
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ПРОГРАММА.

1. Сравнительное изучение литературы и искусства.
2. Литература как наиболее чуждая выразитель социальным отношениям.
3. Революционная поэзия как истинный предшественник революции.
4. Избранные поэмы литературы не новой.
5. Задача революционной поэзии.

Начало в 7½ час. вечера.

Билеты: проездные. Театральная касса (Петровка, 3, с 10—54) и касса Дворян. Искусства (Б. Никитская, 22, с 12—7) и касса Политехнического Музея (в кассе, расположенной в Аудитории).

физическим восстановлением здоровья. Вышли наружу ранее дремавшие силы. При рассмотрении главных направлений деятельности Брюсова в короткий, менее чем семилетний, период служения Советской Родине, надлежит отметить, что поэзия, занимавшая первое место в дореволюционном творчестве Брюсова, не только приняла во многом другой характер, но и отступила на второй план перед мощно развернувшейся деятельностью, общественной и государственной, оставлявшей, по собственному признанию Брюсова, слишком мало времени для занятия литературой. Тем не менее после революции Брюсов успел выпустить несколько сборников стихов. Они представляют исключительный интерес и заслуживают особого внимания. Наиболее значительный из этих сборников — «В такие дни» — открывается стихотворением «России». Это подлинный гимн стране, которой по праву можно сказать:

Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь...

В те дни Брюсов уже постигал, что Великая Октябрьская революция — явление, с одной стороны, всемирное, с другой — национальное, поднимающее Россию на высочайшую ступень. Он славословит революционную Россию, перечисляя и ранее совершенные ею подвиги. Так в революционную тему проникает присущий Брюсову историзм, не покинувший его даже в захватывающие миги политических катаклизмов. В конце первого раздела сборника «В такие дни» — хвала советскому гербу.

Брюсов видит, на себе испытывает голод, разруху, всю тягостную сторону происходящего, но он не склоняется под ударами житейских бедствий, наоборот, они только усугубляют его энергию. Он всех призывает стать в первые ряды борцов. Стихотворение

«Нам проба» перекликается с беспощадными словами инвективы «Товарищам интеллигентам»:

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
 Нам нужен — воин, кормчий, страж!
 В ком жажда нег, тех нам не надо,
 Кто дремлет, медлит, тот не наш!..

Революционные, политические стихи Брюсова не столь значительны количественно, сколь качественно. Их совокупность представляет авангард русской советской поэзии. Они проложили дорогу дальнейшим поэтическим достижениям. Нямало не умаляя всей новизны и самобытности Маяковского, можно по праву считать и Брюсова зачинателем советской поэзии. Это тем более замечательно, что таким зачинателем оказался поэт с громадным, накопленным многими годами вдохновенного труда культурным богатством.

Над всей группой политических стихов Брюсова возвышается всем памятное стихотворение «Ленин», написанное после смерти вождя. Для ответа на вопрос, поставленный в первом стихе. «Кто был он?» — Брюсов нашел мощные, запоминающиеся строки:

Мир прежний сякнет слаб и тленен:
 Мир новый — общий океан —
 Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
 На рубеже. как великан.

Земля! зеленая планета!
 Ничтожный шар в семье планет!
 Твое величье — имя это,
 Меж слав твоих — прекрасней нет!..

Это стихотворение — одно из первых поэтических произведений, непосредственно посвященных личности Ленина. Потомство не может этого не учесть и не запомнить.

Наряду с новой революционной тематикой в ряде стихов этого периода Брюсов обнаружил свою, в данном случае едва ли не чрезмерную, склонность к эксперименту. Брюсов попытался создать свою революционную поэтику. Ломка синтаксиса, непривычные перебои ритма, выпадение связующих частиц, безбоязненное насилие над языком, которое Брюсов так осуждал сам, разбирая опыты молодых, — всё это делало (и делает до сих пор) звучание стихов в последних книгах Брюсова затруднительным даже для развитого слуха. Материал поэзии — слово — с трудом выдерживает всю искусственность брюсовских новшеств. Если сравнивать словосочетания, образующие сложную рифму Маяковского, со сложными, по тому же принципу построенными рифмами Брюсова, сравнение окажется не в пользу «мэтра».

Несмотря на попытку обновить в революционных условиях поэтику русского стиха, в поздних стихах Брюсова продолжают, и довольно настойчиво, выступать его прежние пристрастия к образам истории и мифологии. Иногда эти образы весьма гротескно сочетаются с нашей революционной действительностью: так, античные Парки в московском Кремле не могут не вызвать законного недоумения.

Перегрузка научными терминами и историческими именами особенно чувствуется в стихах из книг «Дали» и «Меа», которые посвящены преимущественно теме научного подвига человечества. Брюсов в свое время поддерживал идею Рене Гюля о возможности «научной поэзии». На склоне лет Брюсов попытался реализовать мечту о такой поэзии на деле. В настоящее время наблюдается, особенно среди молодого поколения, повышенный интерес к «научной поэзии» Брюсова. Это, по-видимому, относится более к знакомым животрепещущим темам, нежели к поэтическому качеству стихов. Перевасыщение чуть ли не каждой строки именами, географическими названиями и специальными терминами отвлекает от поэтического восприятия. Брюсов мечтал о читателе, равном ему по образованности, — мечта не реальная; демонстрация собственной эрудиции заставляет заподозрить, что в авторе еще не угасло какое-то юношеское тщеславие. Между тем, сама тематика «научной поэзии» Брюсова настолько отстает от

темнов развития точных наук, что предвидения поэта устаревают «на корню». Не следует упускать из виду и того, что в экспериментах с поэтикой пагубно сказались ясно опутанное соперничество с молодыми футуристами, которые могли помешать стареющему «мэтру» «быть первым», а с этим он не хотел примириться.

Поэзия и вообще литература, бывшая главным делом жизни Брюсова, — лишь одна грань его многообразной деятельности. Только усердно составленная библиография может дать представление о множестве его статей, критических заметок, литературоведческих трудов. По страницам «Весов» и «Русской мысли», а после Октября — «Художественного слова» и «Печати и революции» рассыпаны многочисленные критические статьи и отзывы, столь обильные, что автору приходилось прибегать к различным псевдонимам, чтобы избежать частой повторности своего имени. Тогда имя Брюсова внушало страх молодым начинающим поэтам, так как его критические разборы, будучи в основе благожелательными, отличались беспристрастием и строгостью. И сейчас эти яркие, иногда резкие отклики на появлявшиеся книги доставляют читателю немало удовольствия остротой своей мысли. Особого внимания достойны его обзоры русской литературы, помещавшиеся в заграничной прессе.

Россия обязана Брюсову-литературоведу воскрешением в общественном сознании такого поэта, как Тютчев. Теперь нам кажется странным, что Тютчев, которого мы цитируем на каждом шагу, был на рубеже XX в. ценим лишь немногими знатоками поэзии. То же самое можно сказать и о другом великом нашем поэте — Баратынском.

Много трудов посвятил Брюсов изучению Пушкина и как историк литературы, и как текстолог — ученые навыки пушкиноведа он еще в молодые годы усваивал, работая в тесном общении с известным издателем и редактором журнала «Русский архив» П. И. Бартевым. Небольшие по объему, но острые, полные горячего преклонения перед Пушкиным этюды Брюсова были впоследствии объединены в его книге «Мой Пушкин».

Вступления к переводам французских и франкоязычных поэтов, в частности Верхарна, не утрачивают и сейчас своей актуальности, так же как и статьи о поэтах древнего Рима, из которых «великий ритор» Авсоний был впервые открыт Брюсовым для русского читателя. Эти и многие другие очерки Брюсова писаны ясным простым языком и могут служить образцами литературных характеристик. Обширную, основополагающую статью предпослал Брюсов редактированной им антологии «Поэзия Армении».

Заметен вклад Брюсова и в русскую стихологию. Его книги, посвященные теории русского стихосложения, весьма специальные, но доступные благодаря простоте изложения, были ярким явлением накануне того стихологического расцвета, которым ознаменована деятельность ленинградских ученых с Б. В. Томашевским во главе. Позднее стихологические взгляды Брюсова подверглись критике и теперь находят лишь малочисленных защитников. В свое время они сыграли большую роль, укрепив ответственную отрасль литературоведения, впоследствии временно отодвинутую в тень. Книжки Брюсова «Наука о стихе» и «Опыты» служили (служат и сейчас) мощным рычагом для поднятия нашей стиховедческой культуры.

Неоднократно выступал Брюсов и как чистый историк. Таковы две работы, делающие честь нашей научно-популярной литературе. Первая тесно примыкает к занятиям Брюсова армянской поэзией — это обзор многовековой истории армян, с ее сменами величия и унижения, упадка и расцвета — «Летопись исторических судеб армянского народа». Другая работа — «Учители учителей» — родилась из глубокого проникновения в древние культуры, которые Брюсов считал производными от единой цивилизации, от Атлантиды. Поэтическое воображение, подкрепляемое данными науки, с настойчивостью поддерживает легенду, когда-то слышанную Платоном и восходящую к преданиям жрецов Египта.

Следует упомянуть и обширную переписку, которую вел Брюсов, в первую очередь с деятелями литературы и искусства. В его многочисленных письмах можно найти много метких характеристик и критических оценок, не утративших своего значения и в наши дни.

В послеоктябрьский период, как уже было отмечено, общественная деятельность Брюсова не давала ему возможности отдаваться литературе с прежней настойчивостью. Зато блистательной была его деятельность на поприще литературного просвещения. Еще в дореволюционное время Брюсов делал мысль о создании специального учебного заведения для будущих поэтов. Он исходил из положения, что подобно тому как композиторы готовятся к своей профессии в консерваториях, так и поэты должны получать определенную сумму сведений и навыков, которые в будущем сократили бы для них «опыты быстротекущей жизни». До революции были попытки создания поэтических студий, но они имели лишь эфемерное существование. Октябрь открыл широкие возможности для осуществления брюсовской мечты. Сначала была создана студия при Лито Наркомпроса, потом был основан, по инициативе и плану Брюсова, Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ), которому и было присвоено имя его создателя. В институте Брюсов проявил свой энтузиазм и способности педагога в полной мере. Его преподавание носило характер энциклопедический: он читал курсы истории литературы, латинского языка в связи со сравнительным языкознанием, даже математики, вел различные семинарские занятия, увлекал студентов всякими, искусно изобретенными упражнениями. Брюсов-педагог проявлял при всех обстоятельствах исключительную щедрость, постоянную готовность помочь в чем бы то ни было. Вся эта благородная и плодотворная активность протекала в условиях голода и холода, которых старались не замечать ни студенты, ни их воодушевленный, помолодевший в их кругу учитель.

Итак, русская и советская культура имеют основание чтить память Валерия Брюсова за многое, в том числе за обновление поэзии, переживавшей в конце XIX в. упадок, за поднятие ее профессионального мастерства, за критическую трезвость и вкус, за неизмеримое богатство знаний, за щедрость в просвещении молодежи, за то, наконец, что он встал одним из маяков для выходившей в широкое море советской культуры.